

Наталья Пушкарева

**Повседневная жизнь в России:
междисциплинарный подход**

13–15 мая 2010 г., Блумингтон (Штат Индиана), США

Недавно состоявшийся по инициативе Центра восточноевропейских и российских исследований Университета Индианы (Блумингтон, США) международный научный семинар ставил целью обсудить итоги и перспективы изучения *бытового, обыденного, повседневного* в русской истории (преимущественно XVIII–XX вв.). Тема эта — одна из часто обсуждаемых на международных конгрессах этнологов, историков, социологов, как в нашей стране, так и за рубежом [Пушкарева 2004; Пушкарева 2005а; Пушкарева 2005б; Пушкарева 2007].

В семинаре приняли участие почти три десятка ученых из России и США. В оргкомитет вошли известные американские специалисты по российской истории, в том числе Бэн Эклоф (Университет Индианы), Чой Чаттерджи (Калифорнийский государственный университет), Карен Перон (Университет Кентукки, Лексигтон), а также руководитель Центра восточноевропейских и российских исследований Университета Индианы проф. Дэвид Рэнсел, публикации которого по истории и этнологии русской семьи, истории призрения и повседневности купечества стали значительным вкладом в американское руссиеведение. В качестве почетного гостя и участницы семинара была приглашена профессор

Наталья Львовна Пушкарева
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва,
pushkarev@mail.ru

Университета Чикаго, автор известной книги «Повседневный сталинизм», переведенной ныне на русский язык, Шейла Фитцпатрик [Фитцпатрик 2008].

От подачи заявки на проведение научной встречи и получения финансирования до самого мероприятия прошло всего три месяца. Все приглашенные разослали тексты своих выступлений заранее, так что вместо чтения докладов предполагались презентации тем и проектов по определенным кластерам проблем. Таким образом, все участники имели возможность детально разобраться в представленных текстах и аргументации и предметно обсудить их в интенсивной многочасовой работе семинара. Три дня напряженных дискуссий оставили впечатление живого и заинтересованного общения, а разница в восприятии тех или иных вопросов, разнообразие подходов к их решению стимулировали мысль и вдохновляли на дальнейший обмен идеями — уже вне рамок формальных обсуждений.

Семинар открылся докладами и проектами первой секции «**Теоретизируя повседневное: междисциплинарный подход**». Дискуссия по поводу содержания и определения понятия «история повседневности» обнаружила различия в понимании термина российскими и американскими участниками. Для большинства американцев понятия *быт* и *повседневность* являются синонимичными: в английском языке *daily life* и *everyday life* предстают абсолютными синонимами. Из выступлений участников стало ясно, что как концепт история повседневной жизни может пострадать от теоретической пустоты, и *Д. Рэнсел* упомянул в этом контексте оценку английской исследовательницы, историка и антрополога Катрионы Келли, которая определила данную тему как «методологически илистую», затягивающую, постоянно возникающую под разными методологическими наклейками-лейблами.

Напротив, российские участники обратили внимание на нюансы различий между *бытом*, являвшимся предметом изучения еще традиционалистов-этнографов (которых в XIX в. так и именовали — «бытописателями») и *повседневностью*. Последнее понятие более широкое, включающее в себя и быт, и событийность, и частную жизнь людей, в том числе их эмоциональное отношение к событиям и явлениям (как отметила Н. Пушкарева), поэтому «повседневноведами» себя числят не только этнографы, но и историки, социологи и социальные антропологи. История повседневности в этом случае представляется антропологией повседневности, обращенной к прошлому и основанной на изучении прежде всего исторических источников разных типов и видов, включая материалы устной истории и интервью (о чем говорили С. Ушакин, А. Каменский).

Насколько источники позволяют проникнуть в образ мыслей и чувств людей отдаленных эпох? Возможно ли оценить принудительную силу массовых культурных ориентиров в разные столетия российской истории и реконструировать стратегии поведения конкретных индивидов в рамках изменчивой «прозы жизни»? Из этих вопросов рождается и задача понимания типических для повседневности конфликтных ситуаций, возникавших при столкновении традиционных и новых (создаваемых) культурных установок.

Илья Утехин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), размышляя о роли визуальных средств этнографического исследования повседневной жизни, заметил, что именно они и произвели тот iconic turn («поворот к изобразительному») в социальных науках, без которого трудно понять решительные перемены в сборе материалов по различным культурам. Речь идет не столько о фиксации увиденного, сколько об интерпретации и способах генерализации. На примере анализа документальных фильмов последнего времени (прежде всего работ Л. Парфенова, С. Лозницы и «Монолога» В. Манского) докладчик показал, что аудиовизуальность есть путь действительной документализации повседневности, поскольку любое описание предполагает избирательность, а кадр и аудиозапись (в том числе шумов) фиксируют абсолютно все. Он также обратил внимание на одну из центральных проблем методического обеспечения историко-антропологической реконструкции, а именно — на проблему селекции собранных материалов, подчас совершенно разнородных. В обсуждении его текста выявилась другая, не менее важная сторона аудиовизуальной регистрации событий повседневности — коммуникативная. Ведь исследователь повседневности не снимает скрытой камерой; отсюда возникает тема кооперации аналитика и привлечших его внимание субъектов коммуникации, а также этические вопросы (не случайно атаки на визуальную антропологию осуществляются именно с этой стороны, так как реальная интерактивность может быть обеспечена не всегда, и проблема согласия/несогласия людей «работать на камеру» оказывается весьма существенной).

Тема личного сопереживания аналитика рассказанному и зафиксированному была ключевой в обсуждении текста *Марии Букур* (Университет Индианы), посвященного повседневной жизни граждан в Румынии в период господства коммунистической идеологии. Автор доклада — убежденная феминистка, один из активных членов Международной федерации исследователей женской истории (МФИЖИ) — пришла к выводу о том, что женщины являются главными действующими лицами повседневности во все эпохи и во всех культурах, однако

по сей день не воспринимают себя как исторических агентов и субъектов действия. По мнению исследовательницы, мужчины предпочитают обсуждать политику и режим, в то время как женщины говорят совсем на другие темы и остаются в сфере домашней, а не публичной жизни в силу различий в социализации тех и других. При этом чем проще, примитивнее повседневная жизнь, тем она сильнее гендеризирована, так как именно женщины ответственны за ее бытовую сторону (это им приходится в периоды дефицита продуктов и товаров, необходимых в домашнем хозяйстве, отстаивать большие очереди и «доставать» мыло, туалетную бумагу, придумывать новые блюда и т.д.).

Автор доклада настаивала на внедрении эмпатии (сочувствия, сопереживания) в работу аналитика: неотстраненность от объекта изучения — одна из составляющих комплекса феминистских методов работы с эмпирическим материалом. Однако представительница старшего поколения исследователей проф. Шейла Фитцпатрик напомнила, что традиционная наука всегда требовала дистанцироваться от объекта изучения, «чтобы лучше увидеть его», не быть захваченным эмоциями. Не случайно эмпатические методы именовались «недопустимой защитой», которая ведет к необъективности, в результате чего «включенные наблюдатели» могут легко превратиться во «включенных реформаторов», берущих на себя смелость советовать, как изменить жизнь. Но именно такой подход и предписывает феминистская теория. Особенностью полевых материалов, касающихся повседневной жизни в России, М. Букур назвала поколенческие различия, которые проявляются в интервью. Если старшее поколение еще склонно не только описывать факты, но и предлагать собственные оценки жизни в прошлом, то современные информаторы, дав несколько штрихов, сразу же подводят итог («Вот так и живем!»; «Вот такая у нас жизнь!») и редко пытаются дать свои объяснения происходящему.

С этим наблюдением в целом согласился *Дэвид Рэнсел*, который в последнее время занимается исследованием повседневной жизни рабочих в одном из московских пригородов (Хотьково). Его проект нацелен на изучение поколенческой памяти и восприятия различных форм явного и неявного контроля в повседневных практиках. Как явствовало из презентации, Д. Рэнсел (вслед за Ш. Фитцпатрик) считает, что повседневность — это «формы поведения и стратегии выживания, которыми пользовались люди, чтобы справиться со специфическими социальными и политическими ситуациями». Иными словами, с его точки зрения, повседневность — не столько жизнь, сколько выживание. С этим можно было бы согласиться, если

бы изучение повседневности касалось только кризисных периодов и депривированных или маргинальных групп; однако в современной литературе история повседневности предполагает изучение повседневной жизни и элит, и олигархической верхушки. Именно поэтому предложение Бэна Эклофа (Университет Индианы) шире пользоваться понятиями «открытого» и «закрытого» гражданства как ключами к пониманию повседневности в советскую эпоху прозвучало как нельзя кстати. «Стоит обратить внимание на официальные фотографии времен Хрущева, — заметил он, — согласно которым получается, что люди все время улыбались (как и при Сталине), но любительские фотографии того же времени могут свидетельствовать об ином».

Вторая секция «**Организуя жизненное пространство**» включила презентации проектов, авторы которых старались выявить, как и насколько жизненное пространство и его параметры — размер, комфортность, эстетические характеристики — влияли на жизненные потребности и вкусы людей. Основанием для дискуссии на эту тему стали тексты *Молли Кавендер* (Университет Огайо) о повседневной жизни русского провинциального дворянства в усадебных поместьях и *Ребекки Фридман* (Университет Флориды), которая на материалах журнала «Столица и усадьба» попыталась восстановить общий дух домашней жизни в городах начала XX в. Первая докладчица обратила внимание на значимость совершившегося в гуманитарном знании поворота (иногда его именуют лингвистическим) — от изучения *собственно жизни* («какой она была») к изучению *представлений* о ней. По словам исследовательницы «Тверские губернские ведомости» являются ценным источником для реконструкции представлений тогдашнего дворянства, его повседневной жизни. Эти материалы позволяют судить не столько об экономической жизни усадеб, сколько о том, как экономические вопросы обсуждались представителями дворянства в быту и как особенности усадебной жизни способствовали организации небольших сообществ сходно мыслящих людей.

Подобным образом *Ребекка Фридман* увидела в интерьере домашней жизни территорию общественного и культурного взаимодействия, оказавшись на которой, посторонние превращают ее в локус столкновения культурных и иных норм и стереотипов. Докладчица отметила, что в последний досоветский период «дом и сфера частного в повседневной жизни были неуязвимы для сил “общественности”, ее принуждения и давления; в то время как мода постоянно предлагала индивидам привлекательные образцы новых товаров и возможность эстетического выбора». Со своей стороны участники дискуссии

обратили внимание на то, что начало XX в. было временем зарождения массовой культуры и одновременно появления широких возможностей оказывать предпочтение тому или иному товару, которые были уничтожены процессами унификации и дефицита товаров в советское время.

Вопрос о возможностях и пределах дестандартизации, влияния периода «оттепели» на осознание ценности частной жизни и личного пространства был рассмотрен *Сюзан Рейд* (Университет Шеффилда, Великобритания). По остроумному замечанию исследовательницы, в сталинскую эпоху не было деления на публичное и частное, «вся жизнь в пространстве сталинской коммуналки могла быть либо более, либо менее публичной». В 2003—2006 гг. в рамках своего проекта «Повседневная эстетика в советской квартире» она собрала десятки интервью о жизни в «хрущевках». Ее ресурс — огромный видеоархив диванов, их декорирования подушками и накидками, а также буфетов, стенок, этажерок, интерьеров кухонь и совмещенных санузлов в Санкт-Петербурге, Москве, Калуге, Самаре, Казани, Апатитах и Тарту. Исследовательница отметила сложность сбора материалов о жизни 1960-х гг., поскольку люди «не запечатлевали на фотографиях каждодневные, обычные действия, не вклеивали в свои семейные фотоальбомы изображения обновленной домашней обстановки; вместе с тем подобную информацию ныне, скорее всего, можно найти разве что в семейных альбомах». Анализируя первые советские журналы, посвященные вопросам дизайна квартир (статьи типа «В новые квартиры — новую мебель!»), С. Рейд проследила влияние появления новых дешевых материалов (пластика, нейлона), а также публикаций в СМИ на стандартизацию вкусов советских людей, и сами «хрущевки» предстали в ее докладе средствами «социальной обработки вкусов» и гомогенизации общества в хрущевскую эпоху. Вместе с ростом числа частных автомобилей появление в 1960-е гг. относительно дешевых телевизоров стало «тропкой», которая превратилась в «путь приватизации жизни» при Брежневе. Выступая с комментариями и дополнениями к тексту С. Рейд, Роджерс Дуглас (Йельский университет) обратил внимание на необходимость специального изучения темы «доставания» (как и что достать?) в обществе дефицита товаров, в том числе необходимых предметов обстановки.

Тема массового жилищного строительства как специфической практики городской повседневности и анализ попыток создания особого типа сообществ — жителей многоквартирных домов — были представлены во многих докладах семинара. Это неудивительно: столетия назад массовое жилищное строительство преобразовало многие города мира; и кварталы того времени, построенные в Чикаго и Бразилии, Москве и Париже

удивительно схожи. Автор этого наблюдения, подкрепленного фотоматериалами, *Стивен Харрис* (Университет Вашингтона) представил советское массовое жилищное строительство как вид ранней глобализации повседневной жизни: «Главный проект современного государства всеобщего благоденствия — массовое жилье — предоставляло миллионам городских обитателей односемейные квартиры, построенные согласно стандартизированным планам многоэтажных зданий, где скученно жило множество людей. Так был решен “жилищный вопрос”, поставленный урбанизацией XIX в.».

В обсуждении прозвучавших докладов было отмечено, что парадоксальным образом политика, нацеленная на слияние общественной и частной жизни, в действительности оказалась подкрепляющей их «раздельность» и переоценку значимости преимуществ частного существования.

В рамках обсуждений следующей секции «**Социальное позиционирование повседневного общения и нормы повседневной жизни**» модератор дискуссий Ш. Фитцпатрик предложила обратить особое внимание на то, что «хрущевская эра была, возможно, менее репрессивной, зато более навязчивой». Эта оценка нашла как нельзя лучшее подтверждение в докладе *Деборы Филд* (Адриан колледж, Мичиган) о «меняющихся параметрах» общественного и частного в период хрущевской оттепели. Исследовательница проанализировала «воспитательные» тексты (журнальные и книжные), во множестве появившиеся именно тогда, в годы выработки Программы коммунистического строительства, и ориентировавшие «современников Гагарина на правильную с точки зрения коммунистической идеологии частную жизнь, вырабатывавшие определенные инструкции о взаимоотношениях полов, любви, браке и воспитании детей».

Отметив положительные стороны перемен в повседневной жизни людей в годы оттепели: облегчение процедуры развода, легализацию аборт (которые, правда, изображались тогда в СССР как «преступления женщин против самих себя, своей природы»), введение «продленок» в школах и создание Домов быта, существенно облегчивших повседневную жизнь женщин, Д. Филд указала и на иную сторону хрущевских реформ. Она обратила внимание на усиление назидательности в воспитании взрослых людей, пришедшей на смену репрессивной политике и жестокости сталинских времен, и убедительно проиллюстрировала это на примере фильмов и литературы тех лет.

Выступление Д. Филд вызвало дискуссию по проблеме соотношения понятий *частного, личного и персонального* в повседневности. Принявшие в ней участие С. Ушакин, Н. Пушкарева, О. Шевченко отмечали, что под «частной жизнью» следует

понимать то, что скрыто, не явлено, недоступно посторонним, индивидуально, принадлежит только человеку. Есть ли различия между личной и частной жизнью? Различая и «разводя» эти два понятия, И. Утехин заметил, что «личная жизнь — та, что принадлежит человеку, личности, а частная жизнь — та, что является частью чего-то [общей жизни социума]», иными словами, не согласился с общепринятой взаимозаменяемостью, синонимичностью этих двух лексем. Он показал это на примере повседневности коммуналок, где происходило постоянное вмешательство соседей в частную жизнь друг друга (но личная жизнь при этом все же оставалась личной). Выгодная, позитивная сторона таких взаимоотношений особенно очевидна в случаях, когда соседи заботились о чужих детях, помогали в быту (готовке, стирке и т.д.). «Частное существовало всегда, “несмотря на” и “вопреки”», — подчеркнул И. Утехин, автор монографии о жизни коммунальных квартир Санкт-Петербурга. С его точки зрения, «частное» включается в кластер понятий «свободной жизни», а «личное» принадлежит человеку и никуда не включено. Не случайно персональные дела, разбиравшиеся профсоюзами, комсомолом, парторганизациями, назывались «личными», но никак не «частными».

Секция **«Повседневная жизнь, субъективность, сопротивление»** активизировала обсуждение вопросов, связанных с темой повседневного сопротивления навязываемым культурным, поведенческим и прочим нормам. Доклад *Натальи Пушкаревой* (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), посвященный повседневности научных работников разных поколений (советского и постсоветского), гендерной асимметрии в Академии наук и гендерной дискриминации (в заглавие которого была вынесена строчка-признание из интервью «О себе-то мы молчим...»), поставил вопрос о значимости индивидуального, личного сопротивления в повседневной жизни. Структуры повседневности могут быть навязаны человеку не обязательно администрацией учреждений или господствующей идеологией, но и теми носителями властных начал, которые релевантны отдельным субъектам (в данном случае женщинам — научным работникам), т.е. родителями, супругами, детьми, «значимыми другими» (научными руководителями, заведующими лабораториями и т.д.). Тем самым докладчица поставила вопрос о возможности распространения концепции пассивного повседневного сопротивления, которую обычно прилагают к изучению частной жизни людей в тоталитарных странах (сталинской России, гитлеровской Германии) [Certeau 1984], на более поздний период хрущевской оттепели и брежневского застоя.

Среди вопросов, заданных докладчице, был и вопрос о причинах высокого самосознания женщин (которое проступало в проанализированных интервью) в столь очевидно патриархальной стране. Н. Пушкарева заметила, что вся история русских женщин отличается парадоксами, и один из них — стремительное укрепление правового положения женщин, быстрый рост женского самосознания с началом индустриальной эры; однако вместе с тем очевидно постоянное отставание практики от теории, неумение женщин не только пользоваться своими правами, но и артикулировать свои интересы («молчание о себе»). Отвечая на вопрос о современных российских научных школах изучения повседневности и о том, с какой историографической традицией — российской этнографической, берущей начало в XIX в., или с западной (рожденной в последние годы и именуемой в Германии *Alltagsgeschichte*, а в США и англоговорящем мире *studies of everyday life*) — более связаны исследования историков в нынешней России, докладчица высказала предположение: изучение «былых времен», быта социальных слоев в XIX и начале XX в. правильнее связывать с традицией «бытописания», сложившейся два века назад. В то же время изучение современности, «антропологии современного города» проводится социальными антропологами (реже — историками) на основе современных социальных концепций и более связано с западной составляющей гуманитаристики.

Любопытное толкование *повседневного* предложила **Ольга Шевченко** (Вильямс колледж, Массачусетс). Размышляя о стратегии сопротивления в повседневной жизни навязываемому властью и идеологией, а также о неолиберальной риторике постсоциалистической России, она умышленно заострила вопрос и разделила *быт* и *повседневность* по линии конфликтности/бесконфликтности. Таким образом, исследование повседневности выступило в ее докладе как: 1) изучение скорее слабых, чем «сильных и властных»; 2) исследование поля постоянного пассивного сопротивления, когда «роскошь прямого сопротивления» недоступна; 3) изучение тем, диапазон которых произвольно выбирается из структур обыденного (досуг, потребление, нравы, манеры и т.д.). В известной мере автор продолжает типичную для западной историографии тенденцию зачислять в «пассивное сопротивление» все *формы социального неповиновения и способы выживания*, вплоть до домашнего консервирования овощей и фруктов (в нашей историографии ее сторонницей является Н.Б. Лебина [Лебина 1999: 11–18]; см. также: [Kershaw 2000; Krylova 2000]).

В тексте О. Шевченко был представлен анализ интервью о повседневности жителей крупных городов России (как правило, хорошо образованных) в годы перестройки, в пост-

перестроечный период и во время последнего экономического кризиса, а также о способах приспособления к меняющейся действительности. Особое внимание в ее анализе было уделено визуальным знакам приватности (гаражам-«ракушкам» как личным пространствам, разным видам заборов вокруг участков в дачных поселках и т.п.).

Сюжетам совсем иной эпохи, конца XIX — начала XX в., было посвящено выступление *Бэна Эклофа* (Университет Индианы), специалиста по истории образования в досоветской России. В своем тексте и докладе он по сути утвердил понимание повседневного (в отличие от быта) как всегда событийного. На примере различных проявлений недовольства учителями и их индивидуальной борьбы с увольнениями посредством доносов на своих коллег докладчик показал, как формируется решимость к такого рода сопротивлению, при каких обстоятельствах протестное превращается в «исключительное нормальное», а затем и вовсе нормализуется. Протесты самих учителей и их доносы друг на друга являются ценным источником для изучения повседневности — как и любые жалобы, в том числе и более позднего, советского, времени («Как все это похоже на “моральную неустойчивость” и “политическую неблагонадежность” советских времен», — заметил Б. Эклоф). Автор доклада размышлял о том, как личная вражда и борьба за власть на местах, к сожалению, часто встречавшиеся в школьной практике, и разбор дел в таких конфликтах замещали собой образовательные задачи.

В работе секции «**Репрезентации повседневного**» приняло участие довольно много специалистов, поскольку она объединила историков, культурологов, киноведов и филологов.

Хронологически наиболее ранний период — начало XIX в. — был представлен в докладе *Молли Кавендер* (Университет Огайо). Опираясь на провинциальные издания по сельскому хозяйству, она представила реконструкцию повседневности типического помещика Тверской губернии, чьи мысли занимали цены на рабочую силу (крепостных), соотношения цен (серебро/ассигнации), новые публикации по проблемам механизации, объявления о выборах местного дворянства, новости о случившихся пожарах и погоде на ближайшее время. Выступая в дискуссии по докладу, Ш. Фитцпатрик заметила, что изучение жизни дворянства в усадьбах — путь к пониманию и роли дачи в советское время. Для одних она всегда была лишь местом отдыха, а для других — местом производства сельскохозяйственной продукции. Причем занятие садоводством и огородничеством было не только видом отдыха (т.е. досугом), но и путем улучшения условий существования семьи. «Это

было даже в советское время, да и сейчас, вероятно, — не только производство сельскохозяйственных продуктов, но и агропросвещение, обмен опытом, коммуникация, — подчеркнула Ш. Фитцпатрик. — В советское время государство постоянно и обыкновенно ставило людей в необыкновенные обстоятельства, обучая их выживать, а не жить». Тут и лежит, с ее точки зрения, различие между бытом (просто жизнью) и повседневностью, которая была в советские времена борьбой за выживание, а не самой жизнью.

Продолжая разговор о «повседневном сталинизме», один из участников семинара, *Петер Позефский* (Вустер колледж, Огайо), обратил внимание на фильмы о сталинском времени, созданные в перестроечную эпоху. Для них было типично отсутствовавшее в кинематографе 1930–1950-х гг. резкое противопоставление быта верхов, номенклатуры и низов общества. Докладчик точно определил черту нынешнего десятилетия — исчезновение интереса к теме социального расслоения, в результате чего в последние годы фильмы о сталинском времени сменили костюмированные драмы («Статский советник», «Адмирал» и т.п.).

Популярные воззрения на воспитание детей и материнство в эпоху застоя оказались предметом рассмотрения *Элизабет Скомп* (Университет Юга, Теннесси), избравшей для анализа этих представлений тексты Н. Баранской, И. Грековой и публикации в журнале «Работница». Э. Скомп, филолог по образованию, обратила внимание на разведение в идеологии периода оттепели и застоя понятий *быт* (приземленное, мещанское существование) и *бытие* (высокая, духовная жизнь). Докладчица обратила внимание на то, что пронаталистский дискурс тех лет формировал страх перед маскулинизированными женщинами, феминизированными мужчинами, был направлен на критику однодетности и бездетности и в конечном счете привел к возрождению понятия «традиционной женской роли», ориентированной на «естественное (т.е. биологическое) значение женщины».

В схожем по подходам докладе другого литературоведа, *Бэна Сатклифа* (Университет Майами), построившего систему доказательств на основании российской женской прозы (прежде всего Л. Улицкой и Т. Толстой), главной темой, которая пронизывает российскую литературу, названо противостояние отдельной семьи и Истории; именно оно, с точки зрения докладчика, репрезентирует противостояние общественной и частной жизни.

Наконец, еще один из текстов этой секции, принадлежащий *Чой Чэттерджи* (Калифорнийский государственный универ-

ситет, Лос-Анджелес), это исследование американских путеводителей по СССР, путевых записок американцев, их рассказов о жизни в советской стране: «С каждым годом пребывания в СССР воспоминания американцев о своей жизни там становились все более критическими, они жаловались на систематическую нехватку товаров, низкое качество продовольственных продуктов и товаров народного потребления, недружелюбие обслуживающего персонала, безразличие предоставляющих услуги в гостиницах, ресторанах и магазинах. В конечном счете даже просоветские американцы, поначалу неистово преданные большевистскому будущему, должны были вскоре пропустить утопию своих мечтаний через густую сетку того, что им пришлось пережить и почувствовать». Докладчица заметила, что при этом те же наблюдатели отмечали исключительное российское гостеприимство, стремление хозяев принимать гостей-иностранцев, предлагать им то, что не каждый день бывает на столе. «Как раннехристианские мученики, они живут полностью в идеях, не замечая, что едят и что носят», — привела докладчица слова одного из своих соотечественников, побывавших в СССР. В конце выступления она пришла к весьма решительному выводу о том, что «американские стандарты потребления, приобретя глобальную значимость в последней четверти XX в., сыграли главную роль в приближении упадка Советского Союза и всего социалистического мира».

Последняя секция семинара «**Наблюдатели и наблюдаемые**» отразила интерес современных науки и искусства к теме, которую можно определить тезисом «наблюдение меняет наблюдателя» (достаточно вспомнить российский фильм Л. Садиловой «Ничего личного» и германский «Жизнь других»). И хотя, скажем, *А.Н. Каменский* (Москва) рассказывал о России XVIII в. и горожанах той поры, а *С.А. Ушакин* (Принстонский университет) — о последних фильмах В. Манского и Л. Парфенова (документалистике, которая стала интересней, чем художественные фильмы), оба они по сути говорили об одной проблеме: важности *понимания* тех людей, которые жили и действовали в прошлом, проникновения в их эмоциональный мир. При этом С.А. Ушакин опирался в своих построениях на классические работы 1920-х гг. — С. Эйзенштейна, утверждавшего, что кино должно «выглядеть как хроника, воздействовать как драма», и Дзиги Вертова с его убежденностью, что «старая кинематография с ее чувствами и психологией должна-таки освободить место для кино-вещественности» (киноглаз и радиоухо должны были обеспечить новый тип обязательств, а киноправда — стать эпистемологическим и визуальным режимом времени, методом коммунистической расшифровки мира).

Этнокультурный аспект проблемы повседневности оказался поднят в докладах *Карен Петрон* (Университет Кентукки, Лексингтон), размышлявшей об опыте людей, которым пришлось столкнуться с чужой культурой, а затем вернуться в свою (войны-афганцы и их реинтеграция в современной России) и *Элизабет МакГир* (Университет Беркли) о жизни китайского эмигранта и повседневности российского города в 1920–1930-е гг. (текст был представлен как часть большого проекта исследовательницы, названного «Китайско-советский роман: как китайские коммунисты влюбились в Россию, русских и российскую революцию»). Обе докладчицы размышляли о проблемах интеграции и реинтеграции, готовности/неготовности принять навязываемый дискурс как об одном из основных конфликтов повседневности. При этом К. Петрон говорила об отвержении навязываемого дискурса, сопротивлении ему, острой реакции на идеологические интерpellации в современной России, а Э. МакГир — о готовности интериоризировать их (поскольку в ее докладе речь шла о времени, когда советская идея еще себя не дискредитировала).

В известной степени тема пересечения культур (не только этнических, но и культур социальных групп, а вместе с ними — и привилегий, особенностей, характерных черт) была поднята в докладе *Сэри Филипс* (Университет Индианы) «Мобильные граждане: инвалиды и пространственная политика в социалистическом и постсоциалистическом государстве» (речь шла о России и Украине). В этом выступлении прозвучала важная в методическом смысле идея рассматривать инвалидность как социальный конструкт. По утверждению автора, именно среда формирует представление о неполноценности человека, поэтому такой подход позволяет избежать приписывания людям с ограниченными возможностями каких-то «дефектов» и «отклонений». Советское государство использовало функциональную модель недееспособности, основанную на медицинских и технических характеристиках; не имея возможности обеспечить «полноценность человека для общества», оно устанавливало социальную исключенность и зависимость. Возможность изменить повседневность таких людей определяется нашим отношением к проблеме и тем, признаем ли мы государство «властным в отношении наших тел», какими бы эти тела ни были — слабыми и неполноценными или здоровыми.

Подводя итоги международного семинара, его участники приняли решение о публикации в течение ближайших двух лет материалов выступлений и подчеркнули преемственность таких международных научных встреч. Если одна из первых подобных конференций по проблемам повседневности состоялась в 1996 г. в Анн-Арборе (Мичиган) и была посвящена истории

русской и российской частной жизни, то за последующие 14 лет тема российской повседневности неоднократно поднималась на конгрессах Ассоциации американских славистов и постепенно стала одной из постоянно дебатированных и стремительно пополняющихся новыми серьезными исследованиями.

Библиография

- Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»; ИТД «Летний сад», 1999.
- Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история: Ежегодник, 2004. М.: РОСПЭН, 2005а. С. 93–113.
- Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd). 2005б. No. 53. P. 21–34.
- Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история Ежегодник, 2007. М.: РОСПЭН, 2008. С. 9–21.
- Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
- Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. М: РОСПЭН, 2008.
- Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Kershaw I.* Resistance without the People? // The Nazi Dictatorship. Problems and Perspectives of Interpretation. London: Arnold Press, 2000.
- Krylova A.* The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // Kritika. 2000. No. 1. P. 119–146.